

УДК 347.1:343.2

С.Н. ЛЮЛЬКИН,
заместитель начальника юридической службы, аспирант

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ОХРАНА ИНФОРМАЦИИ НОРМАМИ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ РОССИЙСКОГО ПРАВА

В статье анализируются приведенные в нормативных актах и юридической литературе определения понятий информации и специфика ее регулирования нормами различных отраслей российского права. Сформулированы авторские подходы к разграничению информации, имеющей публично-правовой характер, и информации, имеющей частноправовой характер. Рассмотрена специфика информации с позиций уголовного права.

Одним из следствий технического прогресса стало активное внедрение информации в экономический оборот. В наше время невозможно представить успешную экономику и всю инфраструктуру современного общества без развитой системы информационных сетей, их активного использования производителями и потребителями.

В этих условиях особенно актуальным становится вопрос охраны информации нормами различных отраслей российского права.

Базовым нормативным актом в области охраны информации является Федеральный закон Российской Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (далее – Закон), в п. 1 ст. 2 которого дается понятие информации как сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления [1].

Между тем, несмотря на законодательное закрепление понятия «информация», само оно во многом остается интуитивным и получает различные смысловые наполнения в различных отраслях человеческой деятельности [2]. Это, в первую очередь, вызвано тем, что суть данного понятия находится на перекрестке многих наук. При этом каждая из них пытается сформулировать определение информации, которое максимально отвечает лишь ее задачам.

В этой ситуации для права как для регулятора общественных отношений характерен под-

ход «максимального охвата» всех существующих в обществе отношений.

Так, А.В. Минбалееву информация видится в качестве фикции, определенной юридической конструкции, которая в условиях расширения информационно-коммуникационной сферы очень удобна для отражения многих информационных объектов как обобщающая их категория. Автор считает указанный подход неудачным на основании того, что информация объективно существует.

На взгляд автора, информация представляет собой, в числе других значений, сконструированный юридический термин, описывающий объективную реальность. По мнению А.В. Черкаева, юридическими терминами могут быть любые слова, встречающиеся в нормативно-правовом тексте. Существенной чертой юридического термина при этом является то, что он отражает официальную волю законодателя, оказывая тем самым соответствующее воздействие на субъектов правовых отношений.

С семантической точки зрения, юридические термины можно разделить на термины, обладающие интенциональным типом значения, не зависящим от контекста, и термины, обладающие экстенциональным типом значения, раскрывающимся в контексте (носящие перечневый характер) [3]. Термином последнего вида и является определение информации, данное в Законе.

Единой концепции прав на информацию в российской цивилистической науке до настоящего времени не выработано [4], а конструирование таковой существенно затруднено наличием различных ее правовых режимов в рамках отдельных отраслей права и сверхтесной связью информации с возможностями аппаратных и технических средств. К настоящему моменту в российской правовой науке выработан целый ряд подходов к информации, основными из которых являются: концепция права собственности на информацию (выдвигается в работах И.Л. Бачило), концепция исключительных прав на информацию (В.А. Дозорцев [5, с. 133], А.В. Трофименко [6, с. 9]), концепция правового регулирования отношений, складывающихся по поводу информации через ее правовой режим [7] (Д.В. Огородов), концепция, предлагающая применять к информации нормы вещного права [8] (В.А. Копылов) и т.д.

Несмотря на существование вышеуказанных концепций, в процессе принятия части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ [9]) законодатель попутно внес изменения в часть первую, в частности в ст. 128, которая устанавливает перечень видов объектов гражданских прав, исключив с 1 января 2008 г. информацию из перечня таких объектов, при этом вводя более широкую понятийную категорию: охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) [10].

Что же толкнуло разработчиков закона на этот шаг?

На взгляд автора, многие из вышеприведенных концепций правового регулирования информации действительно неплохо описывают отношения, складывающиеся в этой сфере, и могли бы применяться на практике, если бы не ряд специфических факторов. Первый фактор – это быстрое развитие информационных технологий, вследствие чего право в указанной сфере очень быстро становится архаичным. Второй существенный фактор заключается в самой сути такой категории, как информация, а именно в многогранности и многоаспектности ее

проявлений. Так, например, А.В. Трофименко считает, что природа всех невещественных объектов, фигурирующих в гражданских правоотношениях, может быть сведена к энергии либо к информации [6, с. 7].

Тем не менее, есть и удачные попытки поиска единого частноправового понимания информации, среди которых стоит отметить исследование, В.А. Дозорцева [5, с. 232, 236]. Им был выделен ряд важных черт, присущих информации в частном праве: а) объектом информационных отношений является нематериальный результат труда, сведения, знания как таковые; б) информация должна быть почерпнута из достаточно полной подборки классифицированных данных, систематически пополняемой, концентрирующей в каждый данный момент всю полноту актуальной (морально современной) информации, то есть это конкретно определенные индивидуально подобранные сведения; в) вознаграждение за информацию представляет собой платежи за прикрепление (получение доступа) к базе данных и/или непосредственно платежи за получение конкретных данных. Тем не менее, только этих черт не достаточно для выработки единого частноправового понятия информация.

Изначально, для того чтобы какой-либо объект можно было урегулировать нормами права, необходимо наличие у него свойств устойчивости во времени и ограниченности в пространстве, при этом он должен интересоваться нас как единое целое и иметь возможность к взаимодействию. Информация, безусловно, такими свойствами обладает. Однако в силу своего нематериального характера она не может находиться под монополией одного субъекта, поскольку отношения, связанные с ней, характеризуются своеобразностью, так называемым состоянием «присвоенности» [11], когда первоначальный владелец обладает распорядительной самостоятельностью применительно к своим данным, что позволяет ему решать судьбу этих данных – либо хранить их, либо отчуждать в виде информации. Однако такими же правами обладает и государство, и муниципальное образование, а они являются субъектами публичного права, а сами данные, принадлежа-

щие им, носят в том числе и публично-правовой характер.

Так, З.Ф. Гайнуллина отмечает, что не всякая информация является объектом гражданского оборота и, соответственно, гражданского права. Например, общедоступная информация, в частности опубликованная информация, содержащаяся в официальных источниках, как не была, так и не стала объектом гражданского права, она коммерческой ценности не представляет. В гражданском праве действовал и продолжает действовать принцип: если на общедоступную информацию в соответствии с особым законом не установлен специальный запрет, то она может свободно, без чьего бы то ни было разрешения и безвозмездно использоваться и распространяться любым лицом [12]. В свете вышесказанного может возникнуть вопрос относительно всем известных правовых систем «Гарант» и «Консультант», предоставляющих доступ к общедоступным нормативным актам. По мнению автора, здесь в действительности нет существенных проблем, поскольку потребитель подобных систем осуществляет платежи (в рамках гражданско-правовых отношений) их владельцу не за саму информацию как таковую, а за удобство доступа (поиска), полноту, систематизацию и регулярную обновляемость такой информации, то есть за оказываемые услуги. При этом, по мнению автора, у владельцев таких систем возникают права не на информацию, которая в них отображена, а лишь на программный код таких программ.

И.И. Салихов особо акцентирует внимание на категории «информация с ограниченным доступом», которая, по его мнению, охватывает своим содержанием все виды необщедоступной информации и должна рассматриваться как объект гражданского правоотношения, поскольку она соответствует всем его признакам: реально существует независимо от воли и сознания субъектов; существует исключительно в рамках взаимодействия субъектов общественных отношений; может быть предметом господства субъекта правоотношения; способна удовлетворять имущественные и личные неимущественные потребности частных лиц; признается в

качестве объекта гражданских правоотношений; не противоречит законодательству [13, с. 10]. На взгляд автора статьи, данный подход весьма общо описывает категорию информации с ограниченным доступом, поскольку за его пределы выводятся все виды тайн, носящие публично-правовой характер, а, следовательно, не подпадающие под регулирование частного права. И.И. Салихов также дает свое понятие информации с ограниченным доступом, под которой понимает способные быть предметом имущественных и личных неимущественных отношений, известные только определенному кругу лиц и обладающие в силу этого особой ценностью сведения, данные и знания, в отношении которых обладателем принимаются меры, направленные на ограничение свободного доступа третьих лиц, распространение которых может причинить существенный вред заинтересованным лицам [13, с. 11].

О.А. Городов считает, что информация выступает объектом отношений, урегулированных нормами информационного права, но не является его предметом, поскольку в структуру предмета любого права не входит что-либо, кроме общественных отношений [14].

Информация регулируется нормами как публичного, так и частного права, при этом, однако, являясь объектом как частноправовых, так и публично-правовых отношений.

Где же та граница, по которой должно проходить разграничение?

По мнению автора, ее можно провести по критерию установления ответственности за нарушение прав обладателя информации. То есть в случае, когда за нарушение соответствующего права применяются меры публично-правовой ответственности, например, в рамках статей Уголовного кодекса РФ, Кодекса РФ об административных правонарушениях и т.д., имеет смысл говорить об информации, носящей публично-правовой характер. Там же, где применяются меры исключительно частноправовой ответственности, следует говорить об информации, имеющей ценность для частных субъектов права, а, следовательно, о частноправовой информации.

Отдельно следует рассмотреть охрану информации нормами публично-правовых отраслей российского права. Здесь важен тот факт, что, как правило, публично-правовые нормы охраняют информацию ограниченного доступа, имеющую наиболее важное значение. Г.А. Ожегова отмечает, что объекты правонарушений в публичном праве – это общественные отношения, охраняемые и (или) регулируемые нормами публичных отраслей права, которым причиняется вред или которые ставятся под угрозу причинения вреда. В то время как объекты правонарушений в частном праве – это общественные отношения, охраняемые и регулируемые нормами частноправовых отраслей права, которым причиняется вред или которые ставятся под угрозу причинения вреда [15]. С мнением названного автора можно согласиться лишь частично: поскольку в ряде публично-правовых отраслей существует понятие покушения на правонарушение, постольку в отношении именно этих отраслей действительно применима фраза «или которые ставятся под угрозу причинения вреда». В отношении частноправовых отраслей такой подход, по мнению автора статьи, не уместен, поскольку возмещение причинителем вреда и/или оказывание какого-либо негативного влияния на него со стороны права возможно лишь после наступления фактических последствий совершения нарушителем причиняющих вред действий, а, следовательно, фраза «или которые ставятся под угрозу причинения вреда» здесь не применима.

А.В. Трофименко отмечает, что следует различать четыре разновидности информационных объектов ограниченного доступа: государственная тайна; частная тайна; коммерческая тайна; служебная и профессиональная тайна [6, с. 25]. Тайны – это сведения, доступ к которым ограничен в соответствии с законом, и несанкционированное нарушение конфиденциальности которых может причинить вред их собственнику, а также иным лицам и влечет юридическую ответственность [16]. На взгляд В.А. Мазурова, тайна – это охраняемые законом конфиденциальные и секретные сведения в области частной жизни граждан, предпринимательской,

финансовой, политической, экономической, военной и иных сферах, известные или доверенные определенному кругу лиц в силу их профессиональных, служебных и иных обязанностей, незаконное получение, использование, разглашение которых причиняет вред или создает угрозу причинения вреда правам и законным интересам граждан, общества, государства и влечет за собой ответственность виновных лиц в соответствии с действующим законодательством [17, с. 36].

Основу охраняемых законом тайн составляют конфиденциальные и секретные сведения, правовая защита которых обеспечивается действующим законодательством [17, с. 7]. Следует согласиться с Л.И. Джантемировым, который считает, что институт коммерческой, налоговой, банковской тайны является неотъемлемым атрибутом нормального осуществления экономической деятельности. В процессе существования субъектами предпринимательства накапливается большое количество разнообразной информации, утечка которой может привести к необратимым последствиям, вплоть до банкротства предприятия [18, с. 4]. С.Ю. Соболев отмечает, что проведенное им исследование с точки зрения особенностей и места в системе национальной безопасности Российской Федерации правовой сущности информационной безопасности, позволяет сделать вывод, что информационная безопасность является одной из основных составляющих системы обеспечения национальной безопасности страны. В.Н. Щепетильников считает, что если принять за основу положение о том, что информационная безопасность является составной частью национальной безопасности, можно сказать, что общим для них объектом являются национальные интересы, под которыми понимается совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства [19, с. 13].

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации под таковой понимается безопасность многонационального народа Российской Федерации как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации. Здесь же в части I приво-

дится определение понятия национальных интересов как совокупности сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства [20]. Таким образом, среди важнейших областей национальных интересов выделена и информация.

С.Г. Никитин отмечает, что можно говорить о некоей системе охраняемых правом отношений: 1) блок отношений, охраняющих государство; 2) блок отношений, охраняющих общество; 3) блок отношений, охраняющих личность. По мнению автора, объектом всех преступлений являются отношения по обеспечению безопасности государства, общества и человека, то есть отношения, обеспечивающие национальную безопасность [21].

Применительно к информации это означает следующее: любая информация, затрагивающая область национальных интересов (обращение которой способно повлиять на безопасность Российской Федерации), может и должна защищаться правовыми и иными методами защиты национальных интересов. Так, например, следует согласиться с мнением Л.А. Коврижных, который отмечает, что результаты проводимых в стране выборов и референдума, являясь общественно значимой информацией, имеют высокое политическое значение и должны быть защищены от любых попыток фальсификации [22].

Таким образом, с точки зрения права можно истолковать любую информацию как носящую характер потенциально опасной для национальной безопасности. Этот подход вполне применим как к публичной информации (имеющей наиболее важное и общее значение) – государственной тайне, служебной тайне, так и к информации, носящей частный характер – коммерческой тайне, банковской тайне¹ [28], инсай-

дерской информации (тайне), профессиональной тайне (медицинской, нотариальной, адвокатской и т.д.), личной и семейной тайнам.

Однако специфика информации заключается в том, что вышеуказанное деление является весьма условным, поскольку в зависимости от содержательной части информация может менять свой статус. Здесь следует привести мнение Е.Е. Калашниковой, отмечающей, что не может являться конфиденциальной информация о частной жизни лица, если она представляет общественный интерес. Под последним следует понимать объективную существенную значимость тех или иных действий, ценностей материального и нематериального характера для нормальной жизни общества, функционирования государства. При этом разглашаемые сведения о частной жизни общественного деятеля должны иметь непосредственное отношение к осуществляемой этим лицом государственной или иной общественной деятельности [23].

Таким образом, информация, носящая характер медицинской, нотариальной, адвокатской, личной, семейной и т.п. тайн применительно к такому лицу (например, информация о здоровье главы государства, являющегося также главнокомандующим), может носить характер информации, разглашение которой представляет опасность для национальной безопасности. К такому же выводу можно прийти и в отношении коммерческой, банковской и инсайдерской тайн, поскольку в современном мире разглашение подобной информации может иметь тяжелые последствия, начиная с банкротства банков, отмены весьма ожидаемых инвестиционных проектов и «обвала» или краха всего финансового рынка государства.

Следует поддержать мнение В.Н. Щепетильникова который указывает, что проблема роста преступности, компьютерной в частности, во многом обусловлена не отсутствием или

¹ Следует согласиться с мнением Л.И. Джантемирова, согласно которому банковская тайна является самостоятельным

институтом и не является разновидностью коммерческой тайны. Разграничение, законодателем режимов банковской и коммерческой тайны не случайно, так как каждый из них защищает свой объект информации: банковская тайна охраняет конфиденциальную информацию клиентов и корреспондентов банка, коммерческая тайна защищает интересы самого банка [18, с. 10].

несовершенством законодательства, а нежеланием, неумением применять те нормы, которые уже приняты и действуют, особым менталитетом, уровнем правосознания [19, с. 11].

В этой связи основной отраслью российской права, призванной обеспечить безопасность РФ в информационной сфере, является уголовное право.

Однако информация и здесь проявляет свою специфичность в том, что хотя УК РФ и является нормативным актом, устанавливающим ответственность за преступления, связанные с информацией, все же для наиболее правильной и точной квалификации деяний необходимо обращаться к нормам других отраслей права, следовательно, изучение норм смежных отраслей права является в этих условиях жизненной необходимостью.

О.А. Мотин отмечает, что в том случае, если объект уголовно-правовой охраны урегулирован другими отраслями права (юридически оформлен), его содержание определяется с учетом предписаний регулятивных норм, устанавливающих правила реализации интересов участников соответствующих правоотношений [24].

Таким образом, не вызывает сомнений тот факт, что правовое регулирование отношений, связанных с информацией, носит комплексный межотраслевой характер, и, следовательно, изменение регламентации информации нормами одной отрасли российского права незамедлительно скажется и на всех смежных отраслях. Поэтому любые действия в данной сфере должны быть сопряжены и носить системный характер.

Список литературы

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – 31 (Часть I). – Ст. 3448.
2. Янковский С.Я. Концепции общей теории информации // <http://www.inftech.webservis.ru/it/information/ar2.html>
3. Черкаев А.В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – С. 25, 27.
4. Мелихов Е.И. Субъективные гражданские права обладателей конфиденциальной коммерческой информации и их защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2005. – С. 4.
5. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. / Исследовательский центр частного права. – М.: Статут, 2005.
6. Трофименко А.В. Проблемы теории нематериальных объектов (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
7. Огородов Д.В. Правовые отношения в информационной сфере: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2002. – С. 9.
8. Копылов В.А. Правовой режим документированной информации и информационных ресурсов в законе «Об информации, информатизации и защите информации» // Информационные ресурсы России. – 2002. – № 2. – С. 36.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 3 января 2006 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 2. – Ст. 171.
10. О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (Часть 1). – Ст. 5497.
11. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. – 2-е изд., доп. – М.: Статут, 2006. – С. 64.
12. Гайнуллина З.Ф. Правовое обеспечение прав и законных интересов обладателей необщедоступной информации: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1998. – С. 7-8.
13. Салихов И.И. Информация с ограниченным доступом как объект гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003.
14. Городов О.А. Основы информационного права России: учеб. пособие. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 30, 33.
15. Ожегова Г.А. Объекты правонарушений: дис. ... канд. юрид. наук. – Тольятти, 2006. – С. 8, 9.
16. Папеева К.О. Институт медицинской тайны как объект уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006. – С. 31.
17. Мазуров В.А. Уголовно-правовая защита тайны: дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2001.
18. Джантемиров Л.И. Охрана сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005.
19. Щепетильников В.Н. Уголовно-правовая охрана электронной информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2006.
20. Об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (с изм. и доп. Указом от 10 янва-

ря 2000 г. № 24). – Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 52. – Ст. 5909; Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 2. – Ст. 170.

21. Никитин С.Г. Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2007 г.). – М.: Проспект, 2007. – С. 295.

22. Коврижных Л.А. Обеспечение информационной безопасности подготовки и проведения выборов (рефе-

рендума) в условиях применения ГАС «Выборы»: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – С. 42, 47.

23. Калашникова Е.Е. Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности информации о частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2001. – С. 10.

24. Мотин О.А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005. – С. 13.

В редакцию материал поступил 17.04.08.

